

Г. А. Праздников¹**ЖИЗНЕННО-НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА
КАК ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Обсуждая предложенную тему, нельзя не зафиксировать внимание на двух важнейших государственных документах, утвержденных указами президента Российской Федерации: «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022) и Концепция внешней политики Российской Федерации (2023). В Концепции Россия провозглашена «государством-цивилизацией».

О цивилизационном феномене нашего отечества каждый по-своему писали Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби, но в документе такого уровня эта формулировка прозвучала впервые. В Концепции вопросы культуры не были специально акцентированы, но самобытность любой цивилизации естественным образом устанавливается и подтверждается ее духовной традицией. Определяя особое положение России как «обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы», документ не просто постулирует некую максиму, но исходит из объективных историко-культурных реалий и констант. Наше отечество — многоязычное, многоконфессиональное государство, народы которого, не подавляя национального сознания и образа жизни, составляют единую цивилизационную общность, «цивилизацию цивилизаций» (С. Караганов) — уникальную открытую, многоэтническую, поликультурную. Расул Гамзатов говорил: «В Дагестане я аварец, в России — дагестанец, за ее пределами — русский». Носителями нашей цивилизационной идентичности выступают не только русские, принадлежность к ней определяется не кровью, а укорененностью в русской культурной традиции.

Заявив об отказе интегрироваться в глобализационные процессы и проекты с безусловным доминированием Запада, оговорив в Концепции свою самостоятельность, Россия с полным уважением полагает культурно-цивилизационное многообразие всех народов и их безусловное право определять свою судьбу. Наша страна, будучи давним экзистенциальным оппонентом Запада, не отрицает своей европейскости.

Надо сразу же оговорить нетождественность Европы и Запада. Современная Европа, заключенная в рамки Европейского союза и идентифицирующая себя с Западом, далеко не вся Европа, равно как Запад — синтез европейской и американской идентичности, в котором американская составляющая играет главенствующую роль. Россия — часть восточно-христианской цивилизации, носительница ее лучших куль-

турных традиций. Вопрос, постоянно поднимавшийся Д. С. Лихачевым, «что мы взяли у других и что мы сами дали», неизменно получал у него вполне определенный ответ: для своего времени славянские культуры в известной части представляли собой итоги общеевропейского развития. А способность русской культуры, заимствуя многое, оставаться самой собой, только подтверждает ее мощь и самостоятельность. В своей университетской актовой лекции, прочитанной 19 мая 1993 года, Дмитрий Сергеевич говорил о Петербурге как городе не просто европейском, но «русско-европейском»: «Он самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов!»²

С истоков и до наших дней русская культура была диалогична по способу своего существования, обращалась к традициям мировой культуры, принимала их и творчески перевоплощала в решении своих задач (в отечественной философской литературе давно уже была отмечена неслучайность широкого и разнопланового обсуждения у нас проблемы диалога культур). Сколько безоглядно открытых признаний в неумном желании русских войти в общение со всем миром: «всемирная отзывчивость Пушкина», «у русских две родины: наша Русь и Европа» (Ф. М. Достоевский); «мы любим все», «нам внятно все», «мы помним все» (А. А. Блок); «тоска по мировой культуре» (О. Э. Мандельштам). Эту особенность русского человека постоянно полагать, что где-то на стороне есть что-то ему недоступное, но непременно интересное и важное, И. А. Бродский не без юмора называл «комплексом неполноценности», который, по его мнению, «есть великолепная вещь на каждом этапе существования»³.

С особой очевидностью общность человеческой истории открылась в минувшем веке, когда впервые появилась возможность охватить единым взором культуры Большого времени и Большого пространства, хотя идея единства мира прокладывала себе дорогу на протяжении всей человеческой истории. В контексте современности обнаруживаются скрытые смыслы прошлого («вчерашний день еще не наступил» О. Э. Мандельштам). Вопрошающая мысль исследователя, впрочем, как и любого человека, непредвзято и живо обращенного к минувшему, обнаруживает в нем явления, пронизанные идеями защиты и утверждения человеческого в человеке, мечтами о преодолении хаоса и раздробленности бытия. Мы слышим живой человеческий голос в «мрачном» искусстве Средневековья и в художественных явлениях недавнего прошлого, привычно связанных в нашем сознании прежде всего с декоративностью формы, с конструктивной изобретательностью или разрушением эстетического канона. Ныне и в них мы переживаем утверждение красоты и света

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Искусство и спорт», «Нравственный смысл художественного творчества», «Культура в пространстве жизни», «Эстетическая культура и эстетическое воспитание» (в соавт.). Почетный профессор СПбГУП.

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 207.

³ За рубежом. 1991. № 46. С. 22.

либо трагическое постижение судьбы современного человека и человечества¹.

Один из крупнейших историков XX века Арнольд Тойнби просто и точно определил тягу людей друг к другу, позволяющую при всех страшных противоречиях времени существовать в едином мире как потребность пережить «*общую им человечность*»² (курсив мой. — Г. П.).

Попытки унифицировать многообразие мирового развития (одна культура, одна религия, одна философия) провальны и губительны. Один из самых неудачных прогнозов XIX века на грядущий XX — предполагаемое «умирание» наций, растворенных в «общем» человечестве. Национальная проблема не только не была снята, но оказалась одной из самых болезненных для XX века³. Ее острота не утрачена и с переходом в новое столетие. Чего стоит хотя бы такая угроза цивилизованному человечеству, как национализм и его чудовищное следствие — терроризм!

Планетарно осваивая мир, мы обнаруживаем *различия в явлениях внешне сходных и смысловое единство в различиях*. Мировая культура строится на базовых, фундаментальных смысловых основаниях человеческого бытия, отражая их и одновременно участвуя в *порождении и закреплении* этих смыслов⁴.

«Общая человечность» — не абстрактно-теоретическое понятие. Она конкретно воплощена в духе любви, заключенном в разных религиях, в фольклорных параллелях, сущностной близости философских исканий, легком пересечении искусством государственных границ⁵. Человечность, воплощаемая, подтверждаемая и утверждаемая культурой, — нечетко очерченный теоретический термин. Скорее это концепт, в котором эмоциональный ореол не менее значим, чем понятийное умозаключение. В этой вполне «*определенной неопределенности*» — смысловое значение этого слова.

При всем функциональном различии культурных явлений и даже порой их непримиримой враждебности друг другу очевидна *объединяющая* функция культуры (в отличие от экономической или политической жизни). В этой ее жизненно-нравственной направленности, пожалуй, одна из важнейших характерных особенностей русской культуры, ее национальное своеобразие.

В недавнем интервью профессор Санкт-Петербургского государственного университета Игорь Евлампиев

напомнил парадоксальный термин, предложенный для описания русского характера известным мыслителем русской эмиграции, православным священником Василием Зеньковским, — «*мистический реализм*»⁶. Если западное мировоззрение ориентировано на человека, встроенного в материальный мир и его ценности, удовлетворенного своим положением и живущего ради удовольствия, то человек русской культуры существует в горизонте духовных смыслов бытия, с верой в высшую действительность, с бесконечными поисками ответа на вопрос, ради чего он живет. Это душевное и духовное томление, конечно, несет в себе совершенно иное ценностное и смысловое содержание, чем обычное существование — даже вполне благополучное и комфортное.

Такую потребность соотносить миг с вечностью, человека со Вселенной, мир малый и большой, переживание значительности всего происходящего Д. С. Лихачев отмечает уже у древнерусского человека, строившего дом красным углом на восток, а после смерти уложенного в могилу головой на запад, чтобы лицом встречал солнце. «...Все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека»⁷.

Кто не помнит строчку из «Сумерек» Ф. И. Тютчева: «Все во мне, и я во всем!»? Современный российский писатель Ф. Искандер завершает свои рассуждения о необходимости тайны в искусстве словами: «Но это тайна соприкосновения с вечностью, а не секрет изощренного мастера»⁸.

Конечно, тут же можно припомнить строку из знаменитого четверостишия англичанина У. Блейка: «В одном мгновенье видеть вечность...», но ни эта строка, ни самые многочисленные и разнообразные примеры схождения миропонимания и миропереживания художников и мыслителей разных стран не исключают своеобразие искусства русского, английского, японского... Если бы не было взаимоподобия культур, невозможны были бы их взаимовлияния, у одной культуры просто не было бы потребности заимствовать что-то у другой. Романисты Запада обращались к тем же нравственным проблемам, что и наши литераторы, но возможности художественного воплощения драматической противоречивости человека и его жизни нигде не были явлены с такой силой, глубиной, масштабностью, как в русской литературе. Эта несомненная уникальность жизненно-нравственной силы русской культуры явственно осознается и переживается многими художниками мира.

Устами героя ранней новеллы «Тонио Крегер» Т. Манн называет русскую литературу «святой», и сам писатель такое отношение к ней пронес через всю свою жизнь. Читательский восторг и преклонение вызывают у нас великие литературы Англии, Германии, Франции, но «*святая английская*» или «*святая французская*» литература — непроезжие словосочетания.

⁶ Евлампиев И. Россия и Запад: война миров // Аргументы недели. 2023. № 39. С. 3.

⁷ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 79.

⁸ Искандер Ф. Поэты и цари. М.: Правда, 1991. С. 62.

¹ См.: Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013.

² Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С. 177. Хочется процитировать (по памяти, но с гарантией точности) «Дневник» Ф. Кафки: «Все хорошие люди Земли идут в ногу, а другие этого не знают и пляшут вокруг них танец эпохи». Эта фраза может быть развернута в большой философский текст, но, боюсь, что при этом она утратит смысловой простор, возможный именно в таком простодушном изложении.

³ См.: Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016.

⁴ См.: Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г.

⁵ См.: Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1 : Доклады. СПб. : СПбГУП, 2012.

Пытаясь вспомнить всех, кто оказал влияние на его жизнь и работу, Э. Хемингуэй составляет длинные списки писателей, живописцев, композиторов разных эпох и стран — у них он учился «видеть, слышать, думать, чувствовать, писать»¹. Однако обостренный интерес к нравственным задачам литературы, освоение возможностей воплотить на ее страницах сложный экзистенциальный мир он связывает со школой русских писателей: «Сначала русские, а потом все остальные. Но долгое время только русские»².

Жизненно-нравственное назначение искусства — постоянный сюжет размышлений русских художников в дневниках, письмах, порой в многостраничных трактатах — достаточно вспомнить «Что такое искусство?» Л. Н. Толстого. Обсуждая проблемность искусства в статье «Три вопроса», из постоянно возникающих перед художником вопросов (что, как и зачем?) А. А. Блок особо выделяет третий: «Зачем?». «...Самый соблазнительный, самый опасный, но и *самый русский* (курсив мой. — Г. П.) вопрос», где речь идет «о долге, о должном и не должном в искусстве», и «не об одном искусстве, а еще и о жизни»³.

Такой текст был бы совершенно естественным у Белинского или Добролюбова, но Блок публикует свою статью в 1908 году, когда идет упорный, настойчивый процесс артификации не только культуры, но и самой жизни, которая должна, согласно теургической идее, превратиться в некий художественный акт.

«Единство обывания», «единство ответственности» (М. М. Бахтин) искусства за жизнь, а жизни за искусство — вот нравственное основание творчества. Художник и творчество — средоточие глубинных внешних и внутренних связей искусства и жизни. Искусство — *о жизни* и одновременно само *есть жизнь*, безотносительно к тому, в жизнеподобной или абстрактно-выразительной форме оно предстает. Творческий процесс есть жизнепроживание — конечно, особое, но непременно жизнепроживание, отражающее и воплощающее наш прежний экзистенциальный опыт и одновременно открывающее новые слои и уровни жизни. Вспомним М. Хайдеггера: бытие нельзя увидеть, его можно только *испытать*. Искусство и творчество открывают эту возможность. Микрокосм искусства неотделим от макрокосма жизни и мегакосма Мира.

Русская культура в высшей степени серьезна. Серьезна без назидательной угрюмости и натушной глубокомысленности — она любит шутку, иронию, «прикол»: Бахтин справедливо говорил об односторонней серьезности как характеристике догматических культур. Однако она ясно понимает важность и значительность своих задач в контексте целого. В первой фразе знаменитой речи Блока «О назначении поэта» звучат замечательные слова: «Веселое имя Пушкин»⁴. Чеховеды обратили внимание: ни в одном из 4,5 тыс. чеховских писем нет слова «творчество»: «нацарапал», «накарябал», «набросал»... При почти полном отсут-

ствии специальных искусствоведческих оценок писатель использует широкий спектр внеэстетических понятий: честность, мужество, сострадание, искренность, цинизм, совесть, свобода, смелость, пошлость, робость... И. Ф. Стравинский не выносит «расхожее» слово «гений»: «...Испытываю мучения, натываясь на него в жизнеописаниях»⁵. С полной убежденностью, неопровержимо удостоверенной собственным творчеством, А. П. Платонов призывает писать «не талантом, а человечностью — прямым чувством жизни»⁶. Книга С. М. Слонимского о композиторском творчестве (ремесле!) начинается и завершается рассуждениями о нравственности, ее неизбежности, о губительности для музыканта этической индифферентности⁷.

Сам художник и его жизнь выступают феноменами культуры. Удивительное интимно-близкое отношение русских людей к Пушкину. Экстраординарное духовное воздействие личности Толстого на сознание современников. Чехов, воспринимаемый не только как автор текстов, но и как некий мир интеллигентности, вошедший в самую жизнь. Шостакович — моральный пророк, прожитая и явленная музыкой судьба которого — средоточие нашей общей судьбы. В русской культуре профессиональная роль и человек жизни нераздельны, притом что его повседневное бытие далеко не всегда отвечает нормам «хорошего поведения».

Открыто и декларативно провозгласив в «Пророче» творчество как следование «гласу Бога», направляющего и управляющего поэтом, в следующем году Пушкин пишет антиромантическое стихотворение «Пока не требует поэта...». Художник понимается как «человек среди людей». Пока Аполлон «не требует поэта к священной жертве», может быть, «среди детей ничтожных мира» он «всех ничтожней». Поэтому ему открывается жизнь в тех глубинных смыслах и противоречиях, которые не разглядеть из заоблачных высей. Откровение дается («Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта восторгается») не в силу положения внизу или наверху, а потому, что — Поэт. Человек жизни и человек творческий неразделимы.

«Этот человек не потому был величайшим пианистом, что играл на рояле так, как он играл, а потому, что он был тем самым Рихтером, той личностью, для которой рояль лишь средство выразительности. Он гораздо крупнее понятий о рояле и вообще о музыке». Замечательно, что эти слова принадлежат не философу, не музыковеду, а коллеге — выдающемуся альтисту Юрию Башмету⁸.

Когда-то Д. С. Лихачев в одной из статей обронил слова «о стыдливости формы» в русском искусстве. В самом деле — мало закрученных сюжетов, почти нет афористических фраз, обилия ярких метафор. Кажется, этот эстетический аскетизм сильно корректируется абсолютным художественным совершенством Пушкина. Но вот ведь что — о мастерстве (потрясающем!) Пуш-

¹ См.: Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г.

² Хемингуэй Э. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 238.

³ Блок А. Об искусстве. М.: Искусство. 1980. С. 95, 96, 98.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Стравинский И. Ф. Диалоги. Л.: Наука, 1971. С. 217.

⁶ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М.: Правда, 1990. С. 10.

⁷ Слонимский С. М. Мысли о композиторском ремесле. СПб.: Композитор, 2006. С. 3, 23.

⁸ Московские новости. 1997. № 31. С. 4.

кина как-то неловко говорить. Его гений живет совсем в других измерениях...

Смысл искусства (во всяком случае — в русском его понимании) коротко и ясно сформулировал Блок в знаменитой уже цитированной Пушкинской речи: «Внести гармонию во внешний мир»¹. Эта трудная работа определяет лишь вектор усилия. Задача, осуществление которой никогда не возможно решить полностью, требует «всего человека», а не только «мастера стиля». В этом целостном процессе творчества — жизнепроживания — неразрывны отношение художника к миру и к самому себе, ответственность перед искусством и жизнью, сотворение произведения и собственной судьбы, следование неизбежной логике истории и единоборство с ее обстоятельствами...

Возможно, в этих словах слишком много нравственных наставлений «извне искусства», в них явно присутствует доминанта этического пафоса творчества («мессианистического безумия», как выразился один московский философ). Возможно. Но абсолют совести породил великую русскую литературу, отнесенную знаменитым французским поэтом, критиком, моралистом Полем Верленом к «трем чудесам света»: Античность, европейское Возрождение, русская литература XIX века².

Сохранение, укрепление, осмысление жизнетворческой традиции русской культуры значимо

не только для понимания национального своеобразия отечественного бытия, но и как важный шаг в постижении человека и его мира. Мира не только в приватном, но и в самом широком общечеловеческом смысле. В этом его толковании нет никакого цивилизационного высокомерия по отношению к другим культурам.

Важно еще то, что традиция не тождественна традиционализму, ортодоксальному воспроизведению прошлого. Она всегда диалогична, избирательна, вызвана из бесконечного по своим потенциальным возможностям минувшего новыми творческими задачами, потребностями настоящего и будущего.

Однако и наше прошлое требует куда более глубокого понимания. Сегодня актуальнее, чем в момент написания, звучат слова замечательного русского мыслителя Г. П. Федотова: «Культура творится в исторической жизни народа. Не может убогий, провинциальный исторический процесс создать высокой культуры. Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны — ущербная, изувеченная, но все же великая история. Эту историю предстоит написать заново»³ («Лицо России», 1918 г.).

Осмысление наших традиций сегодня — жизненно важная задача, далеко выходящая за границы искусства.

¹ Блок А. Указ. соч. С. 154.

² См.: Иванов Г. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Согласие, 1994. Т. 3. С. 456.

³ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб. : София, 1991. Т. 1. С. 44.